

СМЕРТЬ ДОЛЖНИКА ПО КРЕДИТНОМУ ДОГОВОРУ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОТНОШЕНИЯ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

В.А. Хохлов

Повлечет ли смерть основного должника по выданному кредиту в случае отсутствия наследников или их отказа от принятия наследства взыскание долга с поручителей? Современная судебная практика исходит из того, что при отсутствии наследника отношения между кредитором и поручителем прекращаются. Получается, что добросовестный кредитор, исполнивший кредитное обязательство, не только отвечает за смерть должника и отсутствие наследников, но и не может воспользоваться нормой закона об обеспечении с помощью поручительства.

В последнее время внимание цивилистов привлекли некоторые особенности правового регулирования отношений поручительства, в том числе в такой неординарной ситуации, как смерть основного должника по выданному кредиту¹.

Обычное развитие событий определяется тем, что ст. 418 ГК РФ допускает прекращение кредитных обязательств только в том случае, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с его личностью. Поскольку по общему правилу имущество должника наследуется, то кредиторы вправе предъявить свои требования к наследникам, принявшим наследство и отвечающим солидарно по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества (п. 1, 3 ст. 1175 ГК РФ). Если же наследство пока еще не принято, то кредитор вправе предъявить требования к исполнителю завещания или к наследственному имуществу. При этом суд обязан приостановить рассмотрение дела до принятия наследниками имущества или перехода выморочного имущества к Российской Федерации.

При наличии наследников обязательственная связь по общему правилу считается не прекратившейся и взыскание возможно. Суд не вправе по своей инициативе привлекать наследников к ответственности по неисполненному кредитному обязательству, поскольку это входит в компетенцию только истца. Поэтому возможна ситуация, когда при наличии наследников задолженность будет взыскана только с

поручителей как лиц, несущих солидарную ответственность с заемщиком.

Ситуация усложняется, если наследников нет или они отказались от наследства. В отечественной судебной практике в таких случаях решения принимались самые различные и аргументация их, как правило, не совпадала.

В последнее время в судебно-арбитражной практике преобладает позиция, не допускающая взыскания с поручителей при отсутствии наследников. Так, например, при рассмотрении кассационной жалобы индивидуальных предпринимателей З. и Ч. было установлено, что заявители являлись поручителями по кредиту, полученному заемщиком К. по договору с кредитным потребительским кооперативом. После того, как заемщик К. умер, кредитор обратился в арбитражный суд с иском к его поручителям о взыскании суммы невозвращенного кредита. Суд первой инстанции отказал во взыскании задолженности, полагая обязательства по кредиту прекращенными в связи со смертью заемщика. Решение было отменено постановлением апелляционной инстанции, полагавшей, что кредитные обязательства в связи со смертью заемщика не прекратились. Кассационная инстанция отметила, что исходя из общего правила данной нормы (ст. 418 ГК РФ) смерть гражданина-должника влечет прекращение обязательства, если только обязанность его исполнения не переходит в порядке правопреемства к наследникам должника или иным лицам, указанным в законе. Поскольку К. умер и не выявлено наследников либо иных лиц, к которым перешла его обязанность, в удовлетворении жалобы отказано, решение суда первой инстанции оставлено в силе².

¹ Особую актуальность проблеме придает постоянный рост задолженности по просроченным банковским кредитам, на начало 2007 г. достигший в России 33 млрд руб.

² См. постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 ноября 2005 г.

Другими словами, несмотря на то, что специальная нормы не существует, современная судебная практика при отсутствии наследника считает отношения между кредитором и поручителем прекращенными.

Признание кредитных отношений прекратившимися в данном случае требует объяснения с точки зрения ст. 418 ГК РФ, так как непосредственно в ней нет указания на то, что отсутствие наследников прекращает основное обязательство. Несмотря на расплывчатость формулировки, в ней отчетливо выделяются два самостоятельных основания, при которых обязательство прекращается: а) когда исполнение невозможно «без личного участия должника» и б) если обязательство «иным образом неразрывно связано с личностью должника». В то же время различие этих оснований выявляется не столь отчетливо. Вполне возможно предположить, что первая ситуация связана с наличием личного имущества должника, а вторая — с особым качеством планируемого результата исполнения, предопределяемого самой личностью должника (навыками, умением, квалификацией и пр. — таковы, например, обязательства творческих работников в договоре авторского заказа). Однако любые, даже самые правдоподобные предположения, разрушаются без строгого логического и семантического различия этих оснований по закону.

В силу какого из названных оснований обязательство умершего должника К. признано прекращенным? Явно не первого, так как суд сослался не на отсутствие имущества, а на отсутствие должника; и явно не второго, поскольку с личностью должника содержание кредитного обязательства никак не связано. Вероятно, суд исходил из того, что смерть должника и отсутствие наследника аннулируют саму фигуру обязанного лица, т. е. из основания, которое законом не предусмотрено.

Логика подобного решения сомнительна и вызывает неизбежные возражения, и даже не потому, что отсутствует легитимное закрепление такого основания в законе (при сегодняшней формулировке ст. 418 ГК РФ ее толкований может быть много), а потому, что решающей неожиданно объявля-

ется фигура исключительно обязанного лица, при полном забвении роли поручителей. В итоге добросовестный кредитор, исполнивший кредитное обязательство, не только отвечает за смерть должника и отсутствие наследников, но и не может воспользоваться нормой закона об обеспечении с помощью поручительства!

Существуют различные варианты подходов к решению этой проблемы. В соответствии с одним из них³, в случаях смерти заемщика поручитель может отвечать в большем объеме, чем наследник, так как его ответственность ограничена суммой задолженности, а наследника — суммой наследственной массы. Однако это означало бы, что положение поручителей ухудшается, что явно не справедливо.

При этом тот же автор признает, что изменение обстоятельств, предусмотренное нормой ст. 367 ГК РФ и дающее право считать отношения поручительства прекратившимися, нельзя толковать широко, включая в изменение этих обстоятельств и изменение субъектного состава. Предлагается также учесть, что поручитель при заключении договора ручался за конкретного должника, а не за правопреемника, т. е. личный аспект принципиален. А поскольку поручитель должен иметь возможность регрессного иска к должнику, делается вывод о необходимости во всех случаях считать отношения поручительства прекратившимися смертью должника (если только сам поручитель не подтвердит поручительство)⁴.

Возражения против подобной позиции сводятся к следующему. Ссылка на несправедливость ситуации, когда наследник при недостаточности наследственной массы либо вообще не понесет ответственности, либо его ответственность будет ограничена стоимостью принятого наследства, в то время как поручитель вынужден заплатить всю требуемую сумму, оказывается совершенно неубедительной в достаточно распространенной и вовсе не выглядящей ненормальной ситуации: у

³ См.: Бевзенко Р.С. О влиянии смерти должника на юридическую силу поручительства // Корпоративный юрист. 2006. № 5. С. 35—37.

⁴ Пытаясь смягчить ригористичность данного утверждения, Р.С. Бевзенко предлагает компромиссный вариант — ограничить ответственность поручителя суммой, в размере которой отвечал бы наследник.

№ Ф03-А59/05-1/3178; аналогичное дело рассмотрено в тот же день — № Ф03-А59/05-1/3530 // СПС «Гарант».

должника просто отсутствует какое-либо имущество и весь долг падает на поручителя (поручителей).

Кроме того, если признать, что личность должника не существенна для решения вопроса об ответственности поручителя, то невозможно и как-то увязывать обстоятельства на его стороне с необходимостью поручителя заплатить по долгу.

Есть основания также предполагать, что норма п. 2 ст. 367 ГК РФ, позволяющая считать поручительство прекратившимся с переводом долга на другое лицо без согласия поручителя, является результатом не столько идеи законодателя учесть смену личности должника, сколько желания не увеличивать риски поручителя в связи с возможным изменением имущественных условий по сравнению с теми, в которых когда-то он подписывал договор поручительства. Ведь при смене должника изменяется и определенный уровень имущественной обеспеченности.

Кстати, если поручитель, оплативший сумму долга, обращается с иском к наследнику, то нет нормы, которая бы ограничивала ответственность наследника только денежной суммой принятого наследства, поскольку его право отвечать в пределах наследственной массы законодатель связывает только с одним случаем — когда наследник принимает наследство (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). Абсолютная сумма наследства как таковая не устанавливается, между принятием и оформлением наследства, а также предъявлением к наследнику требований кредиторов могут возникать существенные временные разрывы. В конечном счете, это может привести к тому, что только активные специальные и аргументированные действия наследника могут освободить его от уплаты долга «как он есть» (т. е. без установления соотношения со стоимостью ранее принятого наследства).

Наконец, договор поручительства связывает только поручителя и кредитора, именно эти отношения имеют решающее значение для оценки правоотношений и всех фактов, которые появляются в рассматриваемой ситуации. Не является поручитель и третьим лицом, который исполняет возложенную на него должником обязанность в порядке нормы ст. 313 ГК РФ, так как он «отвечает», но не «исполняет».

Обстоятельства, появляющиеся на стороне должника, в том числе вероятность

наличия каких-либо отношений между поручителем и должником (заемщиком), по общему правилу должны оставаться вне правовой квалификации. Хотя тут возникает вопрос о возможности установления определенной связи между возмездностью отношений «заемщик-поручитель» и безусловностью платежа, наступающей для поручителя. Одно из его решений может заключаться в том, что при возмездности поручительства не принимаются никакие возражения; либо — обязанности поручителя приобретают свойства обязанности гаранта, выраженные в норме ст. 382 ГК РФ, а возможно и в нормах ст. 375, 376 ГК РФ и т. п.

В числе начал гражданско-правового регулирования можно было бы выделить принцип презюмирования возмездности соответствующих отношений; яркие примеры проникновения возмездности в отношения по поручительству (когда оно превращается в доходное дело) демонстрирует сегодняшняя российская практика.

Трагичность факта смерти основного должника не должна заслонять смысл возникающей при этом правовой коллизии: если есть поручительство, смысл которого заключается в платеже при неисполнении обязательства, почему, когда и в силу каких причин этот смысл должен измениться?

Взыскание с наследника долга наследодателя этически легко объяснимо родством или иной семейно-кровной связью между ними, еще проще объяснить такое взыскание экономическими соображениями: полученные по кредиту денежные средства явно положительно отразились на экономическом положении наследодателя (если даже непосредственно и не входят в наследственную массу).

Поручительство тесно связано исключительно с основным обязательством и лишь косвенно обусловлено отношениями поручитель-должник. Именно поэтому закон и судебная практика признают безусловной возможность обеспечения всякого обязательства, как того, которое возникнет в будущем (абз. 2 ст. 361 ГК РФ), так и того, исполнение которого просрочено. Например, при рассмотрении в кассационной инстанции дела по жалобе открытого акционерного общества (ОАО) на постановление апелляционной инстанции было

установлено следующее⁵. Между ОАО (кредитор), фабрикой (поручитель) и унитарным предприятием (должник) был заключен договор, по условиям которого поручитель обязался солидарно отвечать перед кредитором за ненадлежащее исполнение уплаты государственным предприятием основного долга и процентов, подтвержденных уже вынесенным решением суда (в соответствии с графиком погашения задолженности). Ответчик не исполнил обязательство. Суд первой инстанции определил заключенное сторонами соглашение как договор поручительства и удовлетворил требования кредитора в отношении поручителя. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении требований, а договор квалифицировал как недействительный. При рассмотрении дела в кассационной инстанции было отмечено, что закон не исключает возможности заключения договора поручительства по истечении срока исполнения обязательства. Квалификация заключенного сторонами соглашения возможна и как договора поручительства, и как договора, не поименованного ГК РФ (имея в виду, что он заключен по истечению срока исполнения обязательства), но с распространением на возникающие отношения основных норм о поручительстве (что и предусматривало соглашение). Учитывая также, что поручитель взял на себя исполнение не решения суда, а обязательств по погашению долга, суд кассационной инстанции решение апелляционной инстанции отменил.

Аналогичное решение принято по другому делу⁶, рассматривая которое федеральный окружной суд указал, что договор поручительства не является сделкой перевода долга, а факт истечения срока исполнения обязательства не лишает стороны возможности заключить договор поручительства.

Таким образом, в судебной практике наметилась не вызывающая никаких возражений линия дистанцирования обстоятельств на стороне должника от вопросов собственно поручительства.

Принципиально важно, что основанием платежа для поручителя является факт неисполнения соответствующей обязанно-

сти основного обязательства (это четко следует из соотношения норм ст. 361 и п. 1 ст. 363 ГК РФ). Поручитель не имеет обязанности платить ни за должника, ни за себя, поскольку юридическим фактом, порождающим какие-либо требования к нему, выступает не сам договор поручительства, а «неисполнение или ненадлежащее исполнение должником обеспеченного поручительством обязательства» (п. 1 ст. 363 ГК РФ). Без установления факта такого исполнения (неисполнения) невозможно правильно оценить ситуацию и, соответственно, разрешить дело.

Если заемщик умирает в период, когда он не имеет задолженности перед кредитором, то невозможно предъявить к поручителям какие-либо требования, так как на них не возлагается обязанность исполнения обеспеченного обязательства, они отвечают лишь за неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Иная ситуация в случае, когда до смерти заемщик допускает просрочку исполнения. При рассмотрении одного из дел в третейском суде было установлено, что заемщик Г. получил в 2004 г. кредит (на срок до 2009 г.) с обязанностью ежемесячно выплачивать как соответствующую часть кредита, так и проценты по нему. С ноября 2005 г. он перестал выплачивать обязательные ежемесячные платежи, а в мае умер. В ноябре 2006 г. банк-кредитор предъявил иск только к поручителям. Наследство было принято наследниками. Третейский суд удовлетворил требование истца, мотивируя свое решение фактом универсального правопреемства, сохранением обязательственной связи и предварительным согласием поручителей отвечать также в случае смерти заемщика.

Условия конкретного соглашения о поручительстве способны кардинальным образом повлиять на итоговый результат, поскольку часть норм о поручительстве имеет диспозитивный характер.

В частности, стороны могут непосредственно в договоре предусмотреть, что поручитель отвечает и в случаях смены должника (перевода долга) или смерти заемщика, и такие дополнения к условиям договоров довольно часто встречаются в практике банков. Возможность установления такого условия заранее (до наступления соответствующих обстоятельств) не противоречит ни конкретным нормам (в

⁵ См. постановление ФАС Северо-Западного округа от 13 января 2004 г. № А56-18677/03 // СПС «Гарант».

⁶ См. постановление ФАС Уральского округа от 1 декабря 2004 г. № Ф09-3971/04ГК // СПС «Гарант».

том числе п. 2 ст. 367 ГК РФ), ни общим принципам гражданско-правового регулирования. В пункте 9 информационного письма Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 января 1998 г. № 28 приводится сходное решение: прямое выражение в договоре поручительства согласия отвечать за любого должника означает, что необходимое согласие для перевода долга уже получено.

Существенное значение для решения такого рода дел может иметь также указание ст. 384 ГК РФ (см. также ст. 386 ГК РФ), в соответствии с которым поручитель вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы представить должник, если «иное не вытекает из договора поручительства». В сфере профессиональной деятельности (например, в банковской деятельности по выдаче кредитов) поручительство представляет собой, прежде всего, финансовый инструмент, снижающий риски, и включение в тексты договоров поручительства оговорки о том, что поручитель не вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы представить должник, следует оценить как правомерные и уместные.

Принятие наследства представляет собой особый юридический факт уже потому, что, будучи односторонней сделкой, само является результатом другого юридического факта-события (смерти наследодателя). В результате совокупности этих фактов возникает ситуация универсального правопреемства. Применение к случаям наследования общих норм о цессии и других положений главы 24 ГК РФ возможно лишь в части, не противоречащей существу наследственных отношений.

В обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 3 квартал 2006 г.⁷ были поставлены следующие вопросы (№ 22). Требуется ли получение согласия поручителя отвечать за нового должника по основному обязательству, обеспеченному договором поручительства, при наличии правопреемника, принявшего наследство? Вправе ли суд удовлетворить требования кредитора в случае отсутствия согласия поручителя отвечать за правопреемника должника при неисполнении или ненадлежащем исполнении

обеспеченного поручительством основного обязательства и возложить в соответствии со ст. 363 ГК РФ такие обязательства на поручителя?

Отвечая на них, ВС РФ отметил, что в соответствии с п. 2 ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается с переводом на другое лицо долга по обеспеченному обязательству, если поручитель не дал кредитору согласия отвечать за нового должника. Поэтому в случае смерти должника по основному обязательству и при наличии правопреемника, принявшего наследство, требуется согласие поручителя отвечать за нового должника, если договор поручительства не содержит в качестве условия согласие поручителя отвечать за исполнение обязательства перед любым новым должником в случае перевода долга. Следовательно, при отсутствии согласия должника в таких условиях на него не может возлагаться обязанность отвечать за должника.

Следует заметить, что в этом ответе неверно квалифицирована ситуация, складывающаяся при наследовании. При появлении наследника как должника в основном обязательстве правила о переводе долга применяться не могут, поскольку в данном случае возникает не перемена лиц в обязательстве, инициативно совершенная заинтересованными лицами в отношении отдельных прав (обязанностей), а универсальное правопреемство, вызванное юридически значимым событием, лежащим за пределами кредитных отношений, а равно и иных правоотношений, связывающих кредитора, должника, поручителя.

При уклонении наследников от совершения требуемых действий, в том числе по оформлению необходимых документов, отношения поручительства по общему правилу не должны признаваться прекратившимися.

Как курьез следует оценивать приведенный в литературе следующий случай. Должник получил жилой дом по наследству, но от принятия наследства и государственной регистрации права собственности на него уклонялся в связи с тем, что уже были приняты судебные решения о взыскании с него задолженности по договорам займа. Суд, применяя ст. 10 ГК РФ, принял решение о понуждении должника к принятию наследства и регистрации права

⁷ Утвержден постановлением Президиума ВС РФ от 29 ноября 2006 г. // СПС «Гарант».

собственности на дом⁸. Условием применения нормы ст. 10 ГК РФ является «осуществление права», т. е. активное действие, а не уклонение от приобретения субъективного права (в данном случае — права собственности на недвижимое имущество). Единственной справедливой реакцией государства на то, что в законе именуется «злоупотребление правом» является отказ от его защиты. В российском законодательстве нет норм, которые обязывали бы лицо к активным действиям по непосредственному приобретению субъективных гражданских прав, что предусмотрено общим принципом гражданско-правового регулирования о приобретении прав волей и в интересах самих субъектов гражданских правоотношений (п. 2 ст. 1 ГК РФ). А в тех случаях, когда закон допускает побуждение субъектов гражданского права к приобретению определенных прав и обязанностей, по общему правилу избирается косвенная форма (например, путем установления обязанности заключить договор — ст. 445 ГК РФ).

Поскольку в обсуждаемой ситуации вопрос о принятии наследства является главным, необходимо определить, как и когда именно наследник становится обязанным в кредитном правоотношении.

В соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия — независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество (в случае ее необходимости). Поскольку наследство одинаково открывается со смертью гражданина (ст. 1113), то вне зависимости от способа принятия, формы и порядка наследования (по закону или завещанию), а также порядка призвания наследников к наследованию, день смерти и есть тот момент, когда возникает правопреемство. Законодатель, по существу, отвергает возможность возникновения прерыва в обладании правами, входящими в состав наследства. Исключение может, вероятно, составлять ситуация, когда наследник призывается к наследованию од-

новременно по нескольким основаниям (п. 3 ст. 1158 ГК РФ) и вправе отказаться от него по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем.

Спор может возникнуть лишь по вопросу о том, действительно ли наследник принял наследство. В ряде случаев этот факт требуется доказывать отдельно. Вполне возможна ситуация, когда после смерти заемщика по обеспеченному поручительством кредитному договору никто из потенциальных наследников не обратится к нотариусу с заявлением о принятии наследства или о выдаче свидетельства о праве на наследство. Наследники часто знают о полученных по кредиту суммах и опасаются вступить в наследование из-за хлопот и возможного обращения к ним кредиторов с иском. Обычно это наблюдается в отношении хорошо выделяемых из наследственной массы вещей, недвижимости, транспортных средств, тем более при не вызывающем сомнений использовании полученных по кредиту средств на приобретение определенной вещи. В отношении же других, незначительных по стоимости, вещей, в том числе предметов обихода, таких опасений у наследников, как правило, не возникает, и они фактически принимают наследство без обращения к нотариусу (п. 2 ст. 1153 ГК РФ). При этом наследники часто совершают и те действия, которые с точки зрения закона свидетельствуют о принятии наследства (например, перемещают стоявший во дворе мотоцикл в гараж, ремонтируют вещь и пр.). Законодательная формулировка подобных конклюдентных действий (если это понятие вообще применимо к односторонним сделкам) настолько широка, что включает в себя почти любые активные действия, в том числе повседневный уход и поддержание режима сохранности. Если не будет установлено иного, то предполагается наличие воли на вступление в наследство, подтверждаемое совершением указанных действий. Однако принятие части означает принятие всего наследства, «в чем бы оно не заключалось и где бы не находилось» (п. 2 ст. 1152 ГК РФ), и намерение наследника уклониться от уплаты долга по кредитному договору (путем не обращения к нотариусу в порядке п. 1 ст. 1153 ГК РФ) в рассматриваемой ситуации, скорее всего, окажется беспочвенным. По существу, единственным вариантом избежать возло-

⁸ См.: Скловский К.И. О применении норм о злоупотреблении правом в судебной практике // Вестник ВАС РФ. 2001. № 2.

жения обязанности по уплате кредита (в сумме наследства) для наследника, фактически принявшего наследство, является отказ от него, в том числе и после принятия, при условии, что суд сочтет причины пропуска срока для отказа уважительными (абз. 2 п. 2 ст. 1157 ГК РФ).

В литературе справедливо отмечено, что «юридическим моментом приобретения принятого наследства признается день открытия наследства», независимо от времени его фактического принятия⁹.

Нетрудно сделать закономерный вывод: наследник является обязанным лицом в кредитном обязательстве именно с момента принятия наследства.

Характер, направленность и место договора поручительства в квалификационной системе договоров способны существенно повлиять на оценку правоотношений, возникающих в случае смерти заемщика.

При обилии литературы о поручительстве в ней почти нет высказываний о природе и правовом значении самого договора поручительства. Предпринимались попытки квалифицировать подобное соглашение как договор в пользу третьего лица, договор о распределении рисков, договор оказания услуг, договор исполнения третьим лицом обязательства и т. п. Поскольку требование к поручителю заключается в обязанности «нести ответственность»¹⁰, такое соглашение может быть определено как договор (сделка) об ответственности¹¹.

В то же время применение к отношениям с участием поручителей обычных представлений об обязательствах может оказаться неверным. В частности, если и можно именовать отношения между поручителем и кредитором обязательствами, то с неременной корректировкой на их специфику как отношений ответственности. Очевидно, имеется специфика и в последующих отношениях: между пору-

чителем, совершившим платеж, и должником.

Отношения, складывающиеся у поручителя, уплатившего кредиторю требуемую сумму, предопределяются тем, что в силу прямого указания закона он занимает место кредитора (такие формулировки обычно встречаются в судебных решениях), но объем его требований устанавливается исходя не из прав последнего, а в пределах уплаченного за должника. В правовом положении такого поручителя есть признаки и регресса¹², и цессии, попытки строго размежевать их всегда будут открытыми для критики.

В судебной практике поручительство сравнивается с регрессным требованием обычно только тогда, чтобы сформировать объем требований (уплаченное необходимо каким-то образом вернуть), при этом отстает мысль, что такое требование в то же время не является регрессным¹³. Признаки цессии усматриваются в том, что после уплаты поручителем суммы долга он остается в правоотношениях, ранее связывавших кредитора со всеми поручителями и должником. Это обстоятельство и позволяет поручителю, заменившему кредитора, обращаться с требованиями к этим лицам.

При оценке любых обстоятельств по делам о поручительстве следует учитывать не только акцессорность поручительства, но и его направленность на обеспечение исполнения основного обязательства, что в регрессе просто отсутствует.

Поскольку поручитель лишь «отвечает», то его право следует связывать не с обязанностью платежа (поскольку ему никто не должен в обязательстве)¹⁴, а только с позицией закона. Следовательно, требование о возврате уплаченных средств ос-

⁹ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / Под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Ю. Кабалкина, А.Г. Лисицына-Светланова. М., 2005.

¹⁰ Так обычно определяется содержание обязанностей поручителя по договору, см.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2001. С. 575.

¹¹ См. также: Богданов Д.Е. Сделки об ответственности в гражданском праве РФ. Волгоград, 2005.

¹² Законодательное определение регресса отсутствует, ясно лишь, что регрессное требование непременно требует указания закона, ему предшествует обязательство, по которому уплачено за регрессата (и по его вине).

¹³ См., например, постановление ФАС Московского округа от 17 августа 2004 г. № КГ-А40/7058-04 // СПС «Гарант».

¹⁴ Истории права известны так называемые «отеческие поручительства», когда у поручителя вообще не возникало никаких правомочий по компенсации выплаченного; более того, попытки заявления требований о компенсации осуждались.

новано на норме права, а не долговых отношениях. Только силой закона и заключенного договора поручитель оказывается уполномоченным на какие-либо требования (ст. 365 ГК РФ).

Такого рода квалификация позволяет решать и ряд других вопросов, связанных с поручительством.

Поручителей может быть несколько, и это обстоятельство создает порою ряд проблем, о чем упоминалось в литературе¹⁵, хотя мнения при этом высказывались не совпадающие.

Поручитель и должник отвечают солидарно, если «законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя» (п. 1 ст. 363 ГК РФ). Поручители могут ручаться индивидуально, когда каждый из них самостоятельно заключает договор поручительства, и совместно, когда они в поручительстве являются одной стороной. В первом случае они не связаны друг с другом какими-либо правоотношениями и могут даже не знать друг о друге. Во втором случае после акта совместного подписания поручительства они находятся в правовых отношениях солидарно отвечающих лиц (ст. 321—325 ГК РФ). Следовательно, перед кредитором солидарно отвечают лишь поручители, давшие поручительство совместно (п. 3 ст. 363 ГК РФ).

Требование кредитора по его выбору может быть предъявлено как к должнику, так и к поручителю (поручителям), а также ко всем, отвечающим солидарно.

При раздельном поручительстве кредитор может обратиться с требованием к одному из поручителей, и если тот его удовлетворит, он занимает место кредитора и вправе претендовать на выплату всей суммы, уплаченной вместо должника. Если поручителей несколько, может возникнуть последовательная цепочка исков, кроме того, возможны разнообразные отклонения от нормального и полного взыскания — например, один из поручителей (либо все они) обязывался отвечать не в полной сумме, умер или ликвидирован и т. п.

¹⁵ См., напр., Сарбаш С.В. Проблема сопоручительства в российском гражданском праве (в порядке обсуждения) // Законодательство. 1999. № 7; Белов В.А. Защита интересов третьих лиц при переводе долга. // Законодательство. 2000. № 11.

В этом случае уплата одним поручителем по обязательству прекращает последнее, порождая самостоятельное обязательство между поручителем и должником («обязательство из исполнения поручительства»), основанное на норме п. 1 ст. 365 ГК РФ — к поручителю переходят права кредитора в объеме удовлетворенного требования. Возникает следующий вопрос: поскольку ответственность поручителей индивидуальна и между ними нет правовых отношений, на основе чего один поручитель может требовать взыскания каких-либо сумм с другого (других) и вправе ли вообще это делать¹⁶?

Занимая положение кредитора (без этого принципиального уточнения невозможно установление объема правовых возможностей участников отношений поручительства), первый поручитель приобретает право требования как к должнику, так и остальным поручителям. Но кредитор может обратиться ко всем поручителям одновременно, поскольку не лишен такого права, и именно эта ситуация требует пояснений.

С формальной точки зрения это обстоятельство может вызвать прежде всего вопрос о раздельном рассмотрении спора. Требования кредитора к поручителям объединены лишь единством кредитного договора, сами же договоры поручительства вполне самостоятельны, и именно ими определяется ответственность поручителей, а не кредитным договором.

Кроме того, при принятии решения об удовлетворении требований важно установить характер ответственности поручителей. Представляется невозможным указывать в таком решении, что требуемая сумма взыскивается с ответчиков солидарно, поскольку между ними не существует каких-либо правоотношений, а на момент рассмотрения дела по иску ко всем поручителям обычно никто из них платежей за должника не производил. Еще большие сомнения вызывает решение о взыскании всей суммы долга со всех поручителей, поскольку к числу основных требований процессуального законодательства относится определенность требований ко всякому лицу, являющемуся ответчиком¹⁷. Следова-

¹⁶ По мнению С.А. Сарбаша, он имеет такое право.

¹⁷ См., например, Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.В. Яркова. М., 2003. С. 425—427.

тельно, решение по такого рода делу должно содержать указание или на то, в какой именно конкретной части (доле) каждый из ответчиков должен его выполнить, или на то, что их ответственность является солидарной.

Однако возможность указать объем исполнения каждым из соответчиков, являющихся поручителями по кредитным обязательствам, явно отсутствует. Не существует норм законодательства или имеющих юридическое значение обстоятельств, которые предопределили бы наличие возможных пропорций взыскания задолженности. Исключение, разумеется, может составить случай, когда в самом договоре поручительства объем ответственности поручителя определен как-то особо.

Отказывать в принятии исковых требований одновременно ко всем поручителям недопустимо, поскольку это лишило бы кредитора полноценной защиты. Выход один — в решении по иску устанавливать солидарную ответственность ответчиков, но ее необходимо чем-то объяснить.

Представляется убедительным следующее рассуждение. Если по делу установлен факт сохранения кредитного обязательства в силу наличия наследника должника, то существуют основания утверждать и о сохранении ранее установленного режима солидарной ответственности всех поручителей, но не в их отношениях друг с другом, а применительно к ответственности долж-

Это требование отчасти закреплено и нормативно, что следует, в частности, из п. 2 ст. 175 АПК РФ.

ника. При этом не имеет значения, что сам он или его правопреемник не привлечен в процесс, поскольку отношения имущественной ответственности исходно являются материально-правовыми, а не процессуальными. Не вызывает же возражений возможность привлечения к ответственности в таких случаях только должника или, скажем, двух из пяти поручителей.

Кроме того, договор поручительства связывает каждого из поручителей не с должником, а с кредитором, и ответственность возникает в отношении именно него. В любом случае нельзя не учесть, что поручительство исходно является специальной конструкцией, предназначенной для обеспечения исполнения обязательств, и только потом оно может оцениваться наравне с прочими гражданско-правовыми категориями.

Другими словами, в случае взыскания задолженности с поручителей солидарность их ответственности объясняется солидарностью требований к должнику, и должна раскрываться именно в этом направлении. Отсутствие должника в процессе ничего не меняет и юридически нейтрально, поскольку его обязанность продолжает существовать, хотя и сменилось представляющее его лицо.

В качестве конкретной формулировки такого решения предлагается следующий вариант:

«Взыскать в пользу А. с Б., В., _____ солидарно обязанности должника С. по кредитному договору № __ от __ (____) _____ рублей».